

ятной стороны жизни может быть следствием, а не причиной его пессимизма. Он может быть в отчаянии от разных причин, считая, например, счастье ничтожным эфемерным состоянием, а стремление к нему недостойной целью, в которой нет ни благородства, ни осуществления высоких порывов духа.

Понятие «счастье» является главным тезисом оптимизма. Это понятие можно определить по его внутреннему содержанию как удовлетворение от исполнения желания, а по внешнему – как полную адаптацию к окружающей среде. Для полного (perfect) счастья требуется абсолютное (complete) соответствие между душой и ее окружением. Его можно достичь только если наши желания всецело осуществляются в условиях нашей жизни или же если они сразу согласуются с ними. Для этого необходимо обладать либо сверхъестественным контролем над окружающей средой, либо удивительной пластичностью человеческой природы. Ни то, ни другое невозможно из-за внутренних (intrinsic) свойств окружающей среды. Если бы она была раз и навсегда установленной и неизменной, человек мог бы с течением времени прийти к пониманию ее законов настолько досконально, чтобы осуществить полное соответствие с ней. Но существенной чертой нашего мира является его постоянная изменчивость, которой невозможно полностью адаптироваться. Как только человек воображает, что он приспособился к условиям жизни, обстоятельства меняются. Иногда кажется, что идеал находится в поле нашего зрения, но человек не может пересечь пропасть, которая отделяет этот идеал от действительности. Мечта о такой идеальной жизни является иллюзией, неосуществимой в нашем мире. Счастья добиться невозможно. Несмотря на все усилия, человеку только кажется, что еще один шаг, и он пройдет одно испытание, и оно будет у него в руках.

Эти рассуждения приводят Шиллера к выводу о том, что попытка оценить жизнь по принципу «счастье» значит оценивать ее по понятию, которое бессмысленно и бессмысленно, а стандарты и критерии являются ложными и бесполезными. Добиваясь счастья, человек намеренно стремится к нереальному состоянию. Было бы действительно странно, если бы неосуществимая цель не доказала полную бесполезность его усилий.

Точно так же как счастье зависит от соотношения между желанием и его осуществлением, добродетель (goodness) зависит от соотношения между моральными стандартами и моральным поведением. Если стандарты высоки, а поведение не соответствует им, человек чувствует себя более безнравственным, чем если бы и стандарты и поведение были одинаково низкими. Нравственность зависит от соответствия моральному уровню непосредственного окружения. Мы развиваемся быстрее, чем отдельный человек может к ним адаптироваться. Следовательно, чем больше человек делает, тем больше от него требуется. Чем больше он продвигается по пути к своей цели, тем дальше видится конец пути.

Результат его морального суждения будет зависеть от соотношения между моральными стандартами и достижением цели. Если моральные теории развиваются быстрее, чем моральное поведение, нет ничего невероятного в том, что, в конце концов, самые отвратительные негодяи будут служить эталоном добродетели и нравственности.

Шиллер вынужден констатировать, что в современной ему действительности происходит определенный сдвиг в категориях морали. В Древней Греции